

Глава 4. Принципы синергийного традиционализма

Традиционализм как новое направление общественной мысли

Современный глобализационный вызов предполагает несколько возможных вариантов ответа. Первый путь заключается в восприятии предложенного формата глобализации, и, соответственно, в отказе от многообразия цивилизационных идентичностей. Межкультурный диалог замещается в данном случае монологом. Противоположный подход связан с национальным консерватизмом и заключается в самоизоляции и локализации культур. Цивилизационная идентичность в этом случае, казалось бы, сохраняется. Но перспективы такого самосохранения призрачны. Силы явно не равны. Национально изолированная культура не сможет длительно противостоять всему глобализированному миру. При всей видимой оппозиционности национального консерватизма к глобализму, он, как и последний, исходит из монологичного принципа коммуникативности. Актуальным в этой связи представляется выдвигание такого проекта, который, нивелируя крайности обоих указанных подходов, смог бы синтезировать концепты цивилизационных идентичностей и мировой интеграции. От коммуникативного монологизма следует перейти даже не к диалогу, подразумевающему дуальный характер взаимодействия, а к полилогу культур.

Для спасения цивилизаций необходимо выдвигание альтернативного по отношению к глобализации и сопоставимого по масштабам мега-проекта. Должна быть найдена основа альтерглобализационного единства мира. Постановка такого рода задачи заставляет с самым пристальным вниманием отнестись к генезису нового идейного направления в мировой общественной мысли — синергийному традиционализму.

При партийном многообразии современного мира остро ощущается дефицит политической идеологии. Синергичный традиционализм является в этом отношении принципиально новой доктриной.

Парадокс заключается в том, что при широком представительстве традиционалистов, традиционализма как идейного течения, в собственном смысле слова до настоящего времени не сложилось. Традиционалистской идеологии в России в чистом виде никогда не существовало. Нет ее и сейчас. Традиционализм предполагает полицентричность. Он есть единственное учение, отстаивающее цивилизационную вариативность, тогда как другие пропагандируют приоритет одной из цивилизаций над всеми прочими.

Принципы традиционализма не есть аналог традиционности. Прилагательное «синергичный» подчеркивает отличие нового традиционализма от традиционализма архаического, дорефлекторного. В отличие от последнего, он ориентирован не на консервацию, а на развитие. Синтезируя модернизационный потенциал, он мог бы быть определен и как «синергичный модернизм». Но главное в данном случае то, что развитие осуществляется на основе цивилизационных традиций, а, соответственно, именно производное от них понятие и должно было составить идентификационную лексическую конструкцию.

Принцип религиозной солидаризации

В противоположность синергично-традиционалистскому подходу, консервативная идеология моноцентрична. Консервативный моноцентризм в условиях глобализации ведет к партикулярности. Он может быть использован в качестве знамени самосохранения каждой из цивилизаций, но ни глобальным контрпроектом, объединяющим все многообразие цивилизационных систем в борьбе с общим противником.

Известны конфессиональные, этнические, геополитические вариации консервативного моноцентризма.

Конфессиональный консерватизм основывается на утверждении существования истинной религии. Для русских консерваторов в таком качестве чаще всего репрезентуется православие (в последнее время также «велесово» язычество). Объединиться при такой постановке вопроса с последователями иных религиозных традиций — к примеру, ислама — не представляется возможным. Призывы к конфессиональному альянсу всякий раз порождают подозрения в религиозном отступничестве. Экуменизм в любом его проявлении клеймится с позиций консервативной идеологии как опасное еретичество. Религиозный партикуляризм составляет основу для мондиалистского сценария «цивилизационных войн». Сплошь и рядом традиционные конфессии подталкиваются на путь взаимной конфронтации. Инспирированность христианско-исламского противоборства представляется в настоящее время вполне очевидной. Чем более они будут изнурены во взаимной распре, тем легче капитулируют перед «новым мировым порядком». Опыт мировых войн дает в этом отношении прекрасную иллюстрацию тактики глобализма.

Синергийный традиционализм представляет путь солидаризации традиционных конфессий. Традиционалистский концепт основывается на постулате: «У каждого народа свой путь к Богу». Это не означает ни унии, ни какого бы то ни было религиозного компромисса. Ни один из народов не отрекается от своей веры, но и не попирает как ложные другие традиционные верования. Конфессиональное единение достигается перед угрозой глобальной экспансии безрелигиозной (или квазирелигиозной, имея в виду неоспиритуалистические модернистские культы) системы мироустройства.

Еще в профетике В.С. Соловьева обыгрывался сюжет о примирении православных, католиков и протестантов (богословские противоречия между которыми, казалось бы,

неразрешимы) в борьбе против Антихриста⁹⁷. Такая же парадигма единения может быть выдвинута и в отношении иных традиционных конфессий (рис. 19).

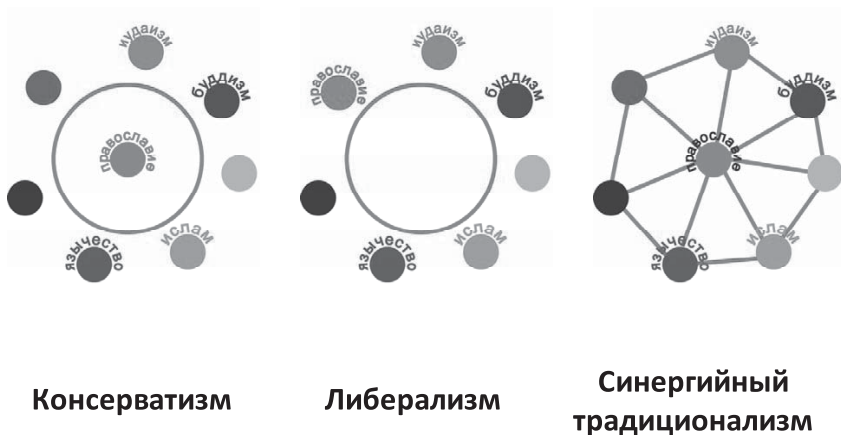

Рис. 19. Модели религиозного миростроительства

Соотнесение «нового мирового порядка» с «антихристовым царством» находит соответствующее преломление не только в христианской апокалиптике, но и — с определенными модификациями — в эсхатологизме едва ли ни всех цивилизационнообразующих религий. К примеру, в исламской традиции «малахим» изоморфный характер имеет цикл предсказаний о грядущем царствовании Даджжала⁹⁸.

Одним из мотивов православного консерватизма является, как известно, его юдофобия. Для традиционалистской системы оценок иудаизм есть одна из традиционных религий, союзник в борьбе с глобализацией. Наряду с православием, исламом и буддизмом он образует традиционалист-

⁹⁷ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. М., 2002.

⁹⁸ Бурханийя Д. Махди и Антихрист // Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997.

ский каркас России. Правоверный иудей должен быть, таким образом, адептом традиционализма.

Противники традиции немало сделали для внесения раскола в ряды ее адептов. Традиционалистские силы искусственно противопоставляются друг другу, провоцируются к взаимной конфронтации. Многовековая история их борьбы исчисляется многочисленными жертвами и разрушениями, исключая, казалось бы, почву для взаимного примирения. Примером такого противостояния может служить антагонизм монотеистических религий по отношению к язычеству. Языческая картина мира преднамеренно примитивизировалась, будучи сведенной исключительно к многобожию. В действительности же политеизм не являлся универсальной чертой древнейших религиозных культов. Даже у восточных славян многобожие сочеталось с мифологемой о Роде, выступавшим единым аккумулярованным воплощением всего теологического измерения. Да и само понятие «язычество» сродни дефицициям «варварство» или «дикость». Оно выступает как своеобразный маркер, используемый одной религиозной традицией (в данном случае авраамическими религиями) для негативизации и сведения к одному знаменателю всего национально-племенного многообразия профессиональных форм. Однако усилия воинствующих богословов по искоренению языческих пережитков не достигли желаемого результата. В реальности под вывеской монотеистических конфессий сложился религиозный синтез нового учения с языческой традицией. Сам факт их слияния доказывает общность традиционалистской мировоззренческой парадигмы. Характерно, что единение достигалось как на уровне повседневного ритуально-мифологического рационализма, так и высшего эзотерического миропонимания.

Традиция исторически формировалась как сложный синтез богословия с народными, адаптационными к природной среде, представлениями. Более других христианских конфессий аккумуляционным по отношению к родовым ценностям

потенциалом обладало именно православие. Гетерогенная природа православной традиции ярко иллюстрировалась по составленному Л.Н. Майковым еще в XIX в. сборнику 372 текстов русских обрядовых заклинаний. В зависимости от адресной апелляции автора-заклинателя все заговоры дифференцировались по трем группам: христианской, языческой и синкретической. К примеру, по тематическому блоку «брак» проводилась следующая мировоззренческая идентификация: христианские заговоры — 31,3%, языческие — 56,2%, синкретические — 12,5%. Тематика любви давала еще более акцентированную на традиции язычества картину: христианские заговоры — 18,2%, языческие — 75,8%, синкретические — 6%. Преобладание языческих заклинаний фиксировалось также в вопросах веры в сверхъестественные существа, здоровья и болезней. Христианская атрибутика доминировала по темам хозяйственной деятельности и частного быта. Вопрос о предметах и явлениях природы имел паритетное распределение между христианством и язычеством. Наконец, по теме общественных отношений преимущественно была представлена синкретическая позиция. Это не следует понимать так, что русские крестьяне не были подлинными христианами. Более корректно вести речь об аккумулятивном потенциале народной традиции (рис. 20)⁹⁹.

Другим примером гиперболизации антагонизмов явилось историческое противостояние христианской и исламской цивилизации. Известно, что к войне за веру против мусульман Западом дипломатически подталкивалась Россия. Новая мировая война предсказывается в формате разлома христианского и исламского миров. В действительности, точек соприкосновения между ними гораздо больше, нежели противоречий. Базируясь на единой платформе авраамизма их близость друг к другу с особой наглядностью выступает при сравнении с буддистским или даосским культурными типами. Несторианская версия христианства, базирующая-

⁹⁹ Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869.

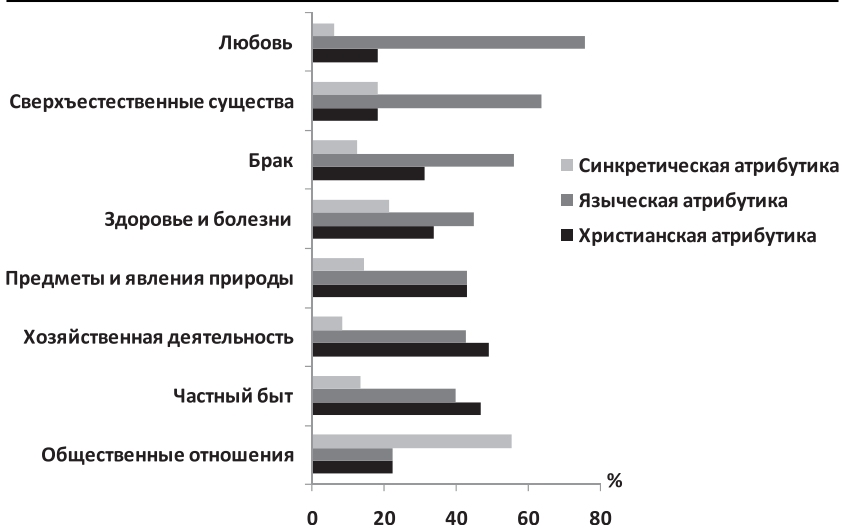

Рис. 20. Религиозная идентификация крестьянских заговоров, в %

ся на представлении о Христе как величайшем пророке (но не богочеловеке), могла бы быть интерпретирована как протототислам. В сложившееся современное клише религиозного раскола мира не укладываются фиксируемые в традиционном мире факты двухконфессиональной идентичности. Известны случаи самоидентификации верующих одновременно в качестве адептов учения Христа и Мухаммеда, Христа и Будды.

Принцип полиэтнической симфонии

Этнический вариант консерватизма подразумевает националистическую идеологию. Национализм — безусловный враг глобализации. Однако сам факт существования националистической идеологии в условиях полиэтничности большинства государственных систем лишь добавляет сторонников в лагерь

глобализма. Националисты спутали мишени. Вместо борьбы против «нового мирового порядка» они переключились на конфронтацию с этническими мигрантами и национальными меньшинствами. Западные консерваторы ведут войну с законсервированными внутри себя (т. е. консервативными) иноэтническими цивилизационными анклавами.

Этнический консерватизм, будучи еще более партикулярным, чем религиозный, как антитеза глобализации не имеет шансов на успех. Лепэновская лозунговая идеологема «Националисты всех стран — соединяйтесь!» представляется утопичной. У каждой нации — свой национализм. Националистическая идеологема так или иначе предполагает существование оппозиции «сверх-нации» и «унтерменшей». Ведение же цивилизационного диалога с позиций указания на национальную неполноценность в принципе невозможно.

Синергийный традиционализм утверждает политическую симфонию народов. Каждый народ идентифицируется в нем как высшая органическая ценность. Права индивидуума признаются, но соотносятся с историческими сверхзадачами этноса. Синергийный традиционализм провозглашает полиэтничность. Он апеллирует к опыту имперских систем, как высшего политического выражения в генезисе цивилизацией, каждая из которых являлась гетерогенным организмом.

Почти все известные в истории империи были многонациональны. Как только они становились на позиции моноэтнического центризма, незамедлительно следовал их распад. Порожденная действием центробежных сил турбулентность могла привести к гибели самой цивилизации.

Принцип вселенской адресации

Синергийный традиционализм континуально шире любого цивилизационного проекта. Он апеллирует к духовной традиции каждого из народов, включая демонизируемую

консерваторами Америку. Цивилизационная геополитическая дихотомия «атлантизм — континентализм», Запад–Восток замещается иным антагонизмом — «традиционализм — новый мировой порядок».

Страны, относимые к атлантистской геополитической конфигурации, также обладают собственным традиционалистским потенциалом. Глобализационные процессы столь же противоречат их традиционным системам ценностей, как и в отношении народов континентального пространства.

Нельзя в полной мере представлять современную глобализацию только как планетарную универсализацию западной цивилизации. Глобализация — антицивилизационна. Она выражает дух мировой энтропии, не связанной с какой бы то ни было цивилизационной парадигмой. В религиозном смысле ей соответствует процесс апостасии. Запад — одна из жертв глобализации. Он не менее других цивилизационных систем нуждается в спасении. Другое дело, что западная цивилизация (или ряд цивилизаций, включаемых в западный культурный ареал) ранее других подверглась глобализационной энтропии и далее выступила разносчиком «опасного вируса».

Перед цивилизационно идентифицированным человеком Запада стоят в футурологическом плане те же угрозы, что и, к примеру, перед россиянином. «Будущее, — провозглашает Ж. Бодрийяр, — принадлежит людям, забывшим о своем происхождении, тем, кто не отяготил себя старыми европейскими ценностями и идеалами»¹⁰⁰. Своей сакральной традицией обладает даже Америка, апеллирующая к освященным протестантской культурой идеомифам колонизации и борьбы за независимость. В этом смысле и американцы являются жертвами глобализации.

Встречаемая в консервативной литературе демонизация образа США противоречит идее многополярного синергического миростроительства. Соединенные Штаты — далеко не

¹⁰⁰ Антология современного глобализма. М., 2006. С. 210.

самая дeтpадитионализованная страна мира. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к имеющимся по ряду развитых государств данным по удельному весу домохозяйств, регулярно посещающих церковь. В США таковых насчитывается более половины (рис. 21). Стоит ли в этой связи удивляться высоким — в сравнении, к примеру, с Европой — показателям рождаемости среди американского населения¹⁰¹.

Рис. 21. Удельный вес домохозяйств, регулярно посещающих церковь, по ряду стран мира, в %

Дихотомия современного мира сводится к онтологическому противостоянию «цивилизационного человека» и «нового кочевника». Синергичный традиционализм есть планетарная, мессианская доктрина. Традиционалистский

¹⁰¹ Сравнительный менеджмент / Под ред. С.Э. Пивоварова. СПб., 2006. С. 140.

мессианизм обращен не к какому-то ограниченному географическими, религиозными или этническими рамками социуму, а ко всему человечеству. Только такая доктрина имеет шансы на успех, как проект альтернативного глобализма.

В этом отношении особенно показателен организационный опыт коммунистического мессианизма. Его сила заключалась именно в планетарной адресации. Но коммунизм в исторической ретроспективе не представлял собой альтернативы мондиализму. Антиномичность коммунизма и капитализма была сильно преувеличена. Оба противопоставляемых друг другу строя являлись вариациями массового общества. Это две модели осуществления модернизации, смысл которой в мегаисторической проекции заключался в уничтожении структур и атрибутов традиционного общества. Под видом борьбы друг с другом адепты капиталистического и коммунистического мондиализма искореняли сохранившиеся реликтовые традиционалистские элементы¹⁰². По-видимому, те и другие действовали зачастую в рамках единой режиссуры. Еще Б. Дизраэли писал о «союзе искусных накопителей богатств с коммунистами» для разрушения христианского монархического мира.

Дезавуировавший себя в качестве ориентира антиглобалистских сил коммунистический мессианизм должен быть заменен традиционалистским мессианизмом.

Интеграционный опыт России как историческое основание традиционалистско-синергичной перспективы

Традиционалистская альтернатива глобализации — не есть утопия. История предоставляет многочисленные примеры государственных систем, функционирующих на осно-

¹⁰² *Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977.

ве следования принципам дорефлекторного традиционализма. Традиционалистскими являлись, к примеру, как держава Ахеменидов, так и геополитически сменившая ее держава Александра Македонского.

Евразийскую версию имперского традиционализма представляла государственность Чингисхана. Религиозная толерантность монголов зиждилась на допущении о вариативности путей постижения Бога. Они покровительствовали институтам каждой из имеющихся в их империи конфессиональных традиций, включая православную.

Опыт Японии по совмещению традиционности с новейшими научными технологиями способен служить наглядной рекламой реализуемости традиционалистского проекта и в современном мире.

России может принадлежать особая миссия в выдвижении традиционалистского проекта. Ее возможности в аккумуляции идеологии традиционализма обуславливаются собственной политрадиционностью. Из современных стран, пожалуй, только Индия может соперничать с Россией в многообразии духовных традиций. Все три мировые религии присутствуют у ее коренных народов в качестве традиционных вероисповеданий.

Исторически Россия представляла собой в плане этноконфессиональных взаимоотношений особый тип интегрирующего государства. Ее специфика заключалась в нехарактерном для Запада сохранении этнической идентичности и традиций населявших российскую территорию народов. Ни один народ, включенный в состав империи, не исчез с этнической карты России. Наоборот, многие из них под ее защитой и покровительством смогли достичь более высокого уровня собственного национального самосознания. Имелись прецеденты переселения в Россию целых народов, спасавшихся под скипетром русского царя от этноцида, как, к примеру, буддистов калмыков (XVII в.), или мусульман гагаузов (XVIII в.). Переселенческие потоки направлялись

даже из Европы, составив, по статистике, за период с 1828 по 1915 гг. — 4,2 млн чел.¹⁰³

Национальная принадлежность применительно к русским никогда не определялась по крови. Видными фигурами в исторической репрезентации русскости являлись: имевший украинское происхождение Гоголь, грузинское — Багратион, армянское — Айвазовский, еврейское — братья Рубинштейны, немецкое — Фонвизин и др. Брачная этническая замкнутость среди русских исторически никогда не существовала. Иностранное происхождение не было препятствием для продвижения по службе и занятия самых высоких государственных должностей. На министерских постах в императорской России постоянно фигурировали немецкие, армянские, татарские фамилии. Интеграционной комплиментарности удалось достичь даже во взаимоотношениях с рядом покоренных военным путем мусульманских народов. Во время Первой мировой войны своим героизмом и верностью России прославилась, к примеру, кавказская «Дикая дивизия», состоявшая из дагестанского, азербайджанского, чеченского и ингушского полков. Интеграционный вариант русский колонизации предполагал сохранение структур регионального автохтонного управления. В определенном смысле можно говорить о функционировании параллельных управленческих механизмов на национальных окраинах Российской империи. Один распространялся на имперскую бюрократическую вертикаль, другой — на соответствующую этноконфессиональную общность.

Формирование цивилизаций исторически было связано с трансляцией традиций. Их вариативность определяла диверсификацию цивилизационных систем. Соответственно,

¹⁰³ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

перспектива гибели цивилизаций обусловливается процессом универсализации. Спасение их возможно при выдвижении идеологического концепта, акцентированного на задачах сохранения цивилизационных традиций. Таким образом, именно синергийный традиционализм предлагает модель многополюсного мира цивилизаций и междивизиационного полилога.